

Накануне вступительных экзаменов в университет Кролик иногда заходил к Е Цзы немного отдохнуть. В тот вечер они поужинали и плечом к плечу стояли на балконе, любуясь городским пейзажем. Вдруг раздался звонок в дверь. Е Цзы открыл и увидел маму: Хань Яо стояла на пороге, глядя на высокого парня, идущего с балкона. Её глаза медленно распахнулись от удивления. Е Цзы поспешно представил его:

— Мам, это...

Но не успел он договорить, как Хань Яо прервала его изумлённым возгласом:

— Ты... ты Чэнси?

Кролик кивнул:

— Это я, Чэнси. Здравствуйте, тётя Яо.

Хань Яо была явно поражена. Она подошла и погладила его по голове:

— Вымахал таким высоким! Как же быстро летит время... Уже учишься в университете?

— В выпускном классе старшей школы, скоро заканчиваю.

— Значит, скоро вступительные экзамены? Уверен в своих силах?

— А-Цзы мне очень помог, так что уверен, — с улыбкой ответил Кролик.

Пока мама ходила на кухню, Е Цзы схватил лежащее на диване нижнее бельё и спрятал в ванной. Кролик посмотрел на него, многозначительно усмехнулся, перехватил его руку и украдкой поцеловал в шею сзади. Е Цзы тут же оттолкнул его, угрожая взглядом, чтобы тот не переходил границы, а затем специально застегнул пуговицы на рубашке, до смерти боясь, что мама заметит красные отметины на его груди и ключицах.

Вечером Е Цзы пошёл провожать маму на остановку. Всю дорогу лицо Хань Яо оставалось немного мрачным. Е Цзы расспрашивал её о младшей сестрёнке Янь-эр, даже рассказал, что заказал для неё в интернете огромную куклу, но мать почти не отвечала. Спустя долгое время она вдруг обронила:

— Значит, вы всё-таки снова встретились.

— А?

— Как сейчас поживает Чэнси? Как его мама?

— Он живёт один. С мамой у него не очень, говорят, у неё слабое здоровье. Мам, а в детстве мы с ним хорошо ладили?

Хань Яо посмотрела на тускло-жёлтые уличные фонари вдалеке и произнесла:

— Даже не знаю, как описать ваши отношения. Наверное, он тебе не особо нравился. Но этот ребёнок был к тебе очень привязан, ты нравился ему с самого раннего детства. В тот день, когда я тебя забирала, он, будучи всего лишь шестилетним малышом, так громко плакал. Прибежал со второго этажа и всё стучал и стучал в запертые двери и окна, без конца выкрикивая твоё имя. Мне было не по себе от этого зрелища.

— После твоих слов мне кажется, что я что-то такое припоминаю.

— Послушай, а-Цзы...

Хань Яо посмотрела на Е Цзы, словно хотела что-то сказать, но осеклась. Е Цзы с недоумением спросил:

— Что такое?

В этот момент подошёл автобус. Хань Яо покачала головой, попрощалась с Е Цзы и уехала.

Они начали жить вместе сразу после выпуска, поселившись в особняке Кролика. После того как они съехались, Кролик готовил и убирал, а Е Цзы иногда помогал ему. Во время летних каникул, оба свободные, они проводили вместе каждый день, и это время можно было назвать поистине счастливым.

Как-то раз Е Цзы увидел, что Кролик стелет на кровать полиэтиленовую плёнку, и спросил:

— Зачем ты это стелешь?

Конечно, он пожалел о своём вопросе в ту же секунду. Потому что до него моментально дошло. Кролик взглянул на него, его щёки слегка покраснели:

— Каждый раз так много... а иногда ещё... м-м, тяжело отстирывать, поэтому...

Лицо Е Цзы залилось густым румянцем, и он смущённо пробормотал:

— Я, что ли, в этом виноват...

Кролик с улыбкой подошёл и поцеловал его в щёку:

— Я виноват.

Е Цзы фыркнул:

— То-то же.

Можете себе представить насколько они были счастливы.

Конечно, они не валялись в постели дни и ночи напролёт. На самом деле они давали себе волю лишь первые полмесяца, а затем их жизнь постепенно вошла в привычное русло. По утрам они вместе ходили за продуктами, завтракали, Кролик готовил и занимался домашними делами, Е Цзы изредка помогал. Со стороны они походили на пару новобрачных, чья жизнь полна счастья и покоя. Е Цзы перестал видеть странные галлюцинации, да и шум в ушах его почти не беспокоил.

Как было бы здорово, если бы всё так и продолжалось, как было бы чудесно спокойно проживать каждый день, вдвоём наслаждаясь романтикой. Однако произошло событие, которое, словно брошенный в спокойную воду камень, разрушило их безмятежность и превратилось в неустранимую скрытую угрозу.

В тот день Е Цзы был в хорошем настроении и в одиночку убирался дома. Он намеревался вычистить каждый уголок, включая пространство под кроватью, решив во что бы то ни стало истребить всех до единого тараканов. Там, под кроватью, он обнаружил большой ящик с кодовым замком.

Эта находка целиком разбудила в нём жгучее любопытство. Потерпев неудачу после нескольких попыток угадать код, он наугад ввёл дату своего рождения, и ящик неожиданно открылся! Внутри лежало несколько больших коробок, а рядом с ними — всевозможная электроника. Чёрный предмет квадратной формы с объективом камеры прямо по центру, серый старомодный мобильник с антенной, похожий на рацию, маленькая коробочка с предметами, напоминающими таблетки, но сделанными из металла... Что это такое?

Е Цзы по очереди открывал коробки, кровь в его жилах постепенно стыла, а сердце бешено колотилось. В чёрной коробке лежали пистолет, патроны, а также набор лезвий разного размера — от больших до самых маленьких, сверкающих холодным серебром. Е Цзы вспомнил, как Цзян Вэнь порывался что-то сказать, но осёкся, вспомнил описания преступника, которые давали приятели, вспомнил страх Цзян Вэня перед Кроликом... Его зрачки сузились.

Открыв белую коробку, он увидел, что она доверху набита его собственными фотографиями. Некоторые были размытыми, другие — невероятно чёткими: идущий, стоящий, сидящий, смеющийся, плачущий, в детстве, взрослый, одетый, раздетый, невинный, развратный... Ни одного снимка анфас или с близкого расстояния. Это означало лишь одно: все они были сделаны скрытно.

Лицо Е Цзы то заливалось краской, то мертвенно бледнело, пальцы дрожали. Он вытащил лежавший на дне коробки ноутбук и открыл его. Казалось, его вела какая-то неведомая сила. Он без труда нашёл ряд папок и стал открывать их одну за другой. То, что он увидел, повергло его в шок и вызвало отвращение, которое невозможно описать словами. В папках хранились только видео- и аудиозаписи, касающиеся его самого. Среди аудиофайлов были записи телефонных разговоров Е Цзы с родными и друзьями. А на видео...

Е Цзы, абсолютно голый, моется в душе; Е Цзы в туалете; Е Цзы с обнажённым торсом сидит на краю кровати, бессмысленно глядя перед собой; Е Цзы сидит перед компьютером и мастурбирует; Не Хайся в одной пижаме навалилась на Е Цзы; Е Цзы, одетый в кофту с длинным рукавом и брюки, в шапочке для душа и с закрытым лицом схватил Цзян Вэй за волосы и, сжимая в правой руке острый нож, яростно наносит удары, во все стороны летят брызги крови.

Е Цзы резко вскочил, бросился в ванную: его рвало минут десять. Затем он снова почувствовал, что с ним что-то не так. Опять начался невыносимый звон в ушах. Он хотел позвонить друзьям, попросить о помощи, но вдруг подумал, что его телефон прослушивается. Разве он мог подставлять других? Ему безумно, просто безумно хотелось плакать, но он не проронил ни слезинки. Он включил везде свет, начал тщательно искать камеры — и нашёл: в одной только спальне их оказалось восемь.

Вещи Кролика он убирать не стал. Ужинать тоже не стал, просто сидел в гостиной, не включая свет, размышлял в темноте, не произнося ни слова.

В начале десятого вернулся Кролик. Он включил свет и, увидев Е Цзы, неподвижно сидящего на диване, нахмурился:

— А-Цзы, почему ты сидишь в темноте?

Е Цзы, не поднимая головы, тихо спросил:

— Скажи, чего ты, в конце концов, добиваешься?

Кролик усмехнулся:

— Ты чего? О чём ты говоришь? Ты ел? Если нет, давай сходим куда-нибудь поужинать.

Е Цзы, словно не слыша, продолжил ледяным тоном:

— Кем ты меня считаешь? Своей игрушкой? Подопытным экземпляром в клетке? Тебе ведь по кайфу наблюдать, как я шаг за шагом разрушаю себя, да?

— А-Цзы?

— Ладно ещё скрытая съёмка, но ты ведь настоящий извращенец. Тебе даже нужно смотреть, как я хожу в туалет. И то, что было с Хайся, ты тоже не упустил... У меня, блядь, вообще никакой личной жизни, да? Ну, давай, расскажи: когда именно ты начал меня снимать? Что это за пистолеты, что за ножи? Это ты срезал губы Цзян Вэню? Откуда у тебя ствол? И зачем ты записал, как я убиваю Цзян Вэй? Что всё это значит, а?

— А-Цзы, ты...

Но Е Цзы вдруг вскинул голову. Вены на лбу вздулись, глаза налились кровью — он был похож на разъярённого льва, а голос, казалось, вот-вот разобьёт стёкла:

— Хватит притворяться! Говори! Говори же! Чего ты, блядь, вообще хочешь? Чего тебе ещё надо? Любишь меня? И у тебя ещё язык поворачивается говорить, что любишь меня? Ха-ха-ха... Ха-ха-ха... Ха-ха-ха-ха-ха-ха... — Е Цзы вдруг засмеялся, и этот смех было не остановить. Глухой, прерывистый хохот kloкотал где-то глубоко в горле. Он смеялся, запрокинув голову, на его лице застыло жуткое выражение. Лицо сморщилось, слёзы хлынули ручьём, крупными каплями падая на штанины.

Кролик, перепуганный до смерти и совершенно растерянный, с глухим стуком упал на колени перед Е Цзы. Схватив его за дрожащие руки, он зашептал:

— Прости... Прости... Это я виноват... Не плачь, хорошо? Побей меня, бей как хочешь, только не плачь, ладно? Не плачь... Прости...

— Плачу? — смех Е Цзы резко оборвался, он вытаращил глаза. Слёзы продолжали безудержно катиться по его щекам, но он этого словно не замечал и холодно усмехнулся. — Кто тут плачет? Хватит трепаться, отвечай: зачем ты снимал всю эту мерзость?

— Ты мне слишком сильно нравишься, я хотел видеть всё, поэтому...

— Поэтому поставил мне прослушку? Поэтому каждый день, каждую секунду снимал меня скрытой камерой? Поэтому с такой тщательностью зафиксировал, как я убиваю Цзян Вэй? Просто чтобы любоваться? Из-за того, что я тебе нравлюсь, ты срезал губы моему другу?

Как только Кролик кивнул, Е Цзы отвесил ему пощёчину. На правой щеке Кролика мгновенно вздулась кровавая полоса, лицо начало опухать. Е Цзы усмехнулся:

— Держишь меня за дурака? Ты ведь что-то планировал, верно? Например, использовать видео, где я убиваю Цзян Вэй, как компромат, чтобы шантажировать меня? Ну говори же, чего ты хотел? Или ты на самом деле хотел сдать это в полицию? А, или, может, ты вообще шпион? Этот мир и правда удивителен, да?

— А-Цзы!

В отчаянии Кролик обхватил его ноги. Как Е Цзы ни пинал его, он не отпускал:

— Всё не так, ты должен мне поверить! Я бы никогда не отдал это полиции... Когда снимал, я действительно хотел шантажировать тебя, угрожать, чтобы заставить быть со мной... Но потом всё пошло гораздо лучше, чем я ожидал, и я передумал использовать это! А что касается Цзян Вэня... Это потому, что он поцеловал тебя... Как он посмел тебя целовать... Ты мой, ты ведь мой!

— Ты псих!

Е Цзы снова ударил Кролика по лицу. У того пошла носом кровь, она стекала по подбородку — зрелище было пугающим. Он стоял на коленях, словно напроказивший ребёнок: убитый горем, испуганный и встревоженный. С красными глазами, хриплым голосом он взмолился:

— А-Цзы, я удалю все видео, всё, что тебе так противно, только прости меня, хорошо?

Е Цзы промолчал. Кролик принял это за согласие. Он тут же бросился в спальню, выволок коробку, достал ноутбук и прямо на глазах у Е Цзы удалил все видеозаписи. Затем вытащил накопитель памяти и вместе со всеми камерами, найденными в комнате, сбросил в мусорный пакет. После этого он вышел на балкон, развёл огонь в большом железном тазу и бросил туда постыдные фотографии. Вскоре повалил густой дым, клочки бумаги заплясали в воздухе, и пепел, подхваченный ветром, улетел высоко и далеко.

Е Цзы сидел в комнате и смотрел на пламя на балконе, словно вглядываясь в адский огонь. Его глаза остекленели, он бормотал себе под нос:

— Как же так... Как сильно я виноват перед Цзян Вэнем... Как виноват перед Хайся... Неправильно... Всё давно пошло не так... Это просто безумие...

Когда Кролик закончил, было уже за полночь. Е Цзы находился в полудрёме. Он лежал на диване, на его лице виднелись дорожки слёз. Кролик с величайшей осторожностью подошёл, опустился на колени перед Е Цзы и прижался щекой к его руке, лежавшей на колене. Он слегка потёрся о неё лицом, тихо, без остановки повторяя:

— Я всё удалил... Обещаю... Больше никогда подобного не сделаю... Не нужно меня ненавидеть, ладно? Пожалуйста, не надо меня ненавидеть... Прошу, прости... Я не могу без тебя...

Прошло много времени, казалось, целая вечность. Наконец Е Цзы пошевелился. Он приподнялся, лёгким движением коснулся опухшей, влажной щеки Кролика и тихо спросил:

— Больно?

Кролик вскинул на него глаза. Кровь из носа почти остановилась, правая щека распухла, лицо мокрое от слёз — вид совершенно жалкий. Вопрос Е Цзы прозвучал для него как величайший подарок небес, и он поспешно замотал головой:

— Не больно, совсем не больно! Если тебе от этого станет легче, можешь бить меня как угодно, это неважно.

Е Цзы посмотрел на пятна крови на своей одежде:

— Всё мне испачкал.

— Я постираю! Всё отстираю дочиста...

Е Цзы сидел на диване, глядя сверху вниз на стоящего на коленях человека. Его глаза были скрыты в тени, и выражение лица невозможно было прочесть.

— А-Цзы? — с тревогой позвал Кролик.

Е Цзы вздохнул, выдернул салфетку и стал вытирать Кролику кровь под носом. Выражение его лица было сложным:

— Скажи, что мне с тобой делать? И как же нам теперь быть?

<http://bllate.org/book/14916/1581071>